

ПИЛЬКО НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА

Кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
nbg2005@mail.ru

Русская эмиграция на словенских землях в 20-30-е гг. XX в.

Аннотация: В 1920-е на словенских землях Королевства СХС (Югославии) оказались эмигранты из России. Некоторые из них сумели найти себе применение и внесли свой вклад в развитие словенского искусства, гуманитарной и прикладной науки. О некоторых из них идет речь в данной статье.

Ключевые слова: Королевство Югославия; русская эмиграция, словенские земли, театр, авиация, архитектура.

В 20-е гг. XX в. на словенских землях оказалось значительное количество эмигрантов из России, что вызвало немалое беспокойство у местного консервативного и закрытого общества. Их боялись, их презирали, им сочувствовали. Различного рода неурядицы, проступки и даже преступления, совершенные русскими эмигрантами, рассматривались с особым пристрастием и вызывали особый интерес у общественности. Если в Сербии общность религии, исторически сложившаяся «братская любовь» между двумя народами, откладывала свой отпечаток на отношение к эмигрантам, а король Александр Карагеоргиевич и патриарх Варнава, обучавшиеся в императорской России, испытывали личные теплые чувства к русским эмигрантам¹, то на словенских землях все складывалось несколько иначе. Словенцы приняли русских далеко не с раскрытыми объятьями.

В словенской прессе неоднократно подчеркивалось, что русские эмигранты деморализованы. Многие опускаются до скотского состояния. Однако были и те, кто поддерживал их. Так, в мариборской газете «Табор», в статье, посвященной русской эмиграции, было написано: «Имеем ли мы право бросать камень в русского эмигран-

---

1 Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. М., 2010. С. 13.

та? Русский эмигрант находится в постоянном поиске работы и бросается на все, что ему предлагают. Вы можете встретить инженера, учителя, бывших полковников и генералов, которые на улицах торгуют газетами, а их жены стирают и шьют. Кто из нас имеет право упрекать их в деморализации. Как югославы и как славяне мы не должны разделять их ни на сторонников царизма, ни коммунизма, мы должны видеть в них только братьев, которым нужно помогать»².

Закрепиться и пустить корни в Словении оказалось делом нелегким, поэтому кто-то оставался в этом регионе, а кто-то в поисках лучшей доли двигался дальше. Это были представители различных слоев и профессий. Было много научной и творческой интеллигенции, военных, молодежи, которая пыталась получить высшее образование.

В 1920 г. на словенских землях оказались два русских кадетских корпуса: Крымский и Второй донской, которые в декабре того же года были размещены в лагере Странишче недалеко от г. Птуй. Оба корпуса разместили в бараках бывшего австро-венгерского госпиталя. Условия в которых оказались кадеты были тяжелейшими. Не функционировали канализация, водопровод. Местами стены прогнили, крыши прохудились, не работала электропроводка. Но несмотря на невзгоды, обучение продолжалось. В первом учебном году образование закончили 78 кадетов. Директор корпуса генерал-майор Александр Иванович Бабкин сумел навести строжайшую дисциплину. Были открыты ремесленные мастерские, читальня, создан духовой оркестр, который возглавил капельмейстер Лейб-гвардии Преображенского полка дирижер Цибулевский. Лагерь просуществовал до 31 января 1922 г. Решением областных словенских властей по причине больших расходов на его содержание лагерь ликвидировали³.

Что касается профессиональных русских военных, то было решено использовать их для обороны государственных границ, прежде всего на границах с Австрией и Италией. Русские части врангелевской армии, которые пополнили солдатами Королевства, защищали государственные границы на словенских землях до декабря 1922 г.⁴ После завершения службы их использовали для строительства до-

2 Табор. 1922. 25. III.

3 Пулко Р. Австро-Венгерский военный лагерь для пленных и судьба находившихся в нем русских военнопленных // Slovenica III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. М., 2014. С. 148-152.

4 Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921-1941. Logatec, 2004. S. 33, 79.

рог и железнодорожных путей. В Словении они строили железную дорогу Ормож-Лютомер-Мурска-Собота⁵. Строительные работы на приграничной железной дороге были завершены в 1924 г. В ее проектировании принимали участие и русские инженеры.

Именно с этой дорогой была связана кровавая драма, развернувшаяся в маленьком городке Лютомер в семье инженера Александра Ганусова. Была убита его жена Юлия и малолетний сын Ростислав. Об этом двойном убийстве с особым смаком писала словенская пресса: «В ночь с пятницы на субботу произошло убийство, которого Лютомер не знал. Русский инженер Ганусов, проживал с женой, трехлетним мальчиком Ростком и старым слугой в Лютомере. В тот день он уехал по делам в Пожаревац. Его жена, русская, говорят, имела любовную связь с врангелевским капитаном Овчаровым... Утром слуга инженера сообщил, что его хозяйка и ее трехлетний сын убиты»⁶. Об этом происшествии сообщали все словенские газеты⁷. Расследование длилось несколько месяцев, главным подозреваемым был слуга в доме Ганусовых бывший рядовой солдат Василий Черненко.

В Лютомере была довольно большая русская община. Состояла она из инженеров, офицеров и солдат, работавших на строительстве. Из следственного дела мы узнаем о некоторых деталях их быта. Согласно полицейским отчетам, семья инженера жила весьма скромно. Они снимали первый этаж двухэтажного дома в центре Лютомера. Жили в трех комнатах. Одна из комнат была для прислуги. Согласно полицейским отчетам все хозяйство содержалось в идеальном порядке⁸. Недалеко от их дома располагалась столовая русских офицеров. Исходя из показаний можно заключить, что русские жили довольно замкнуто, своим кругом, сведя контакты с местным населением только к деловым. Из показаний мужа мы узнаем, что Юлия Ганусова была дворянкой по происхождению, графиней Тарновской. Ее тяготила жизнь в этом захолустном городке, который в то время в шутку называли Благотград (болотный город) и она нередко устраивала сцены мужу. Убийство молодой женщины и ее трехлетнего сына вызвало бурю в словенском обществе, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в газетах. Согласно криминальной хронике, убийства не были чем-то исключительным, но

---

5 Ibid. S. 34.

6 Tabor. 1923. 10. VII.

7 Jutro. 1923. 10. VII; Slovenski gospodar. 1923. 12. VII.

8 Ratej M. Ruski diptih. Ljubljana, 2014. S. 32.

это преступление вызывало особый резонанс: русская барыня была убита своим слугой из-за ревности.

Когда железная дорога была построена, русские военные части расформировали, и солдаты оказались перед необходимостью искать себе работу каждый сам по себе. Кто-то пошел на службу в королевскую армию, другие были вынуждены осваивать иные профессии, так с целью обеспечить себе жизнь в новых условиях в Любляне группа русских морских офицеров создала кузнечную мастерскую, а кто-то отправился дальше искать лучшей жизни⁹.

В Любляне в старой крепости (Люблянски град), которая располагается на холме в самом центре города, Люблянский женский комитет в старых огромных залах в 20-е гг. обустроил русский студенческий дом. По инициативе того же Комитета открылась бесплатная студенческая столовая. В Граде также были отведены помещения для проживания эмигрантов с семьями.

Убранство общежития выглядело весьма аскетично. Для студентов выделили так называемый «Рыцарский зал»: длинное помещение с огромными окнами. Вдоль стен стояли походные кровати с матрасами набитыми соломой и шкафчики для личных вещей, а в центре – грубые деревянные столы для занятий. О деталях жизни в Граде мы узнаем из воспоминаний Петра Сергеевича Грессерова, русского офицера, оказавшегося в Любляне в 1920 г., куда он прибыл с намерением поступить в Университет. В общежитии ему выделили койку и отнеслись весьма дружелюбно. Один из его новых товарищей отметил, рассматривая его форму, что «здесь есть представители всех родов войск и, если понадобится, можно создать армию»¹⁰. Оказалось, что поступить в Люблянский университет нетрудно. Нужно просто прийти и записаться на факультет.

Эмигранты с семьями располагались в другом крыле, эти помещения были сырыми, плохо протапливаемыми со скудной обстановкой. Вот как их описал Грессеров, который встретил в Граде своих знакомых: «Условия, в которых проживали две женщины, были малопригодными для жизни: маленькая сырая, плохо отапливаемая комнатка над часовней, отгороженная от соседей тонкой деревянной стенкой, из мебели только стол и кровать». Эта встреча потрясла Грессерова. В своих воспоминаниях он записал следующее: «наше социальное положение быстро изменилось и, в итоге, мы преврати-

9 Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921-1941. S. 34.

10 P. Gresserov – Golovin. Moja ljuba Slovenija. Ljubljana, 1985. S. 16.

лись в ничто. Теперь нам нужно было напрячь все силы, чтобы снова встать на ноги и занять достойное место в жизни»¹¹.

Грессеров записался на электротехнический факультет Люблянского университета. Легкость поступления не гарантировала такой же легкости в поиске работы. Иностранному дипломированному специалисту сложно было найти работу по профессии, так как приоритет отдавался словенцам. С этим столкнулся и Грессеров, обратившийся за помощью к профессору Душану Сернецу, который мог помочь с назначением, но тот его встретил довольно холодно, отметив, что в последнее время югославские электротехнические факультеты выпускают слишком много молодых инженеров, и нет никакой возможности обеспечить их всех работой, и ему лучше поискать работу в другом месте, например, в театре, где по слухам, он уже давно подрабатывает. Эта подработка была необходима Грессерову, поскольку финансовая поддержка, которую оказывало правительство русским студентам, была незначительной¹². На этом карьера молодого инженера-электротехника закончилась.

Во время обучения в Университете Грессеров действительно подрабатывал осветителем в театре, который стал средоточием русской творческой эмиграции. Театр являлся отдушиной, местом, где можно было уйти от реальности, жить другой, придуманной, а не нищенской и многотрудной жизнью¹³. С миром Мельпомены в Любляне Грессерова познакомил его друг Игнатов Михаил Иванович. Он пригласил его к своему хорошему приятелю профессору Ручу, который приехал в Люблян из Петербурга, где до революции в консерватории преподавал игру на фортепьяно, а затем был аккомпаниатором в Мариинском театре. Он и его жена снимали квартиру на Римской улице (Rimska cesta) вместе с балериной, бывшей солисткой Мариинского театра и Русского балета Дягелева в Париже Еленой Дмитриевной Поляковой, ее мужем, адвокатом по профессии и ученицей Елены Дмитриевны Алисой Никитиной. Полякова в то время была ведущей балериной люблянской оперы. Ее муж зарабатывал тем, что шил балеринам пуанты. Руч предложил Грессерову заниматься пением, а Полякова настояла на том, чтобы он вспомнил юность и начал снова заниматься классическим танцем. Полякова сказала ему: «Не бросайте балет. Он вам может дать хороший кусок

---

11 Ibid. S. 19.

12 Ibid. S.32.

13 Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М., 2014. С. 324.

хлеба. У вас есть все необходимое, чтобы стать хорошим танцовщиком. Если хотите, я вам помогу получить работу здесь в балете». Однако это знакомство долго не продлилось. Никитину пригласили в Лондон в Ковент Гарден. Затем Люблянну покинули Руч и Полякова, которая переехала в Белград, где с осени 1922 г. стала ведущим хореографом Актерско-балетной школы Народного театра, а в 1927 г. открыла свою балетную студию¹⁴. Полякова сумела пробудить много лет спавший интерес Грессерова к балету.

В то время одним из режиссеров драматического и оперного театра был Борис Владимирович Путята. До Первой мировой войны он играл в труппе театра Ф.А. Корша. В 1914 году был призван в действующую армию, но после ранения демобилизован, что дало ему возможность вернуться на сцену. С 1916 г. по 1919 г. играл в харьковской труппе Синельникова. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС в Люблянну, где служил в Драматическом театре. В оперный театр его приглашали, когда ставились русские оперы. Путята предложил Грессеру станцевать гопак в Майской ночи Римского-Корсакова. Грессеров согласился и это был его дебют, после которого он взял псевдоним Петр Головин. Вскоре в Люблянну приехала супруга Путяты, актриса Мария Николаевна Наблоцкая, которая быстро влилась в театральную жизнь Любляны, молниеносно освоив словенский язык и став ведущей актрисой Драматического театра, коей оставалась и после Второй мировой войны. Так в статье о премьере Анны Карениной, критик отмечал, что «Наблоцкая в очередной раз показала свой исключительный талант. Ее радость, ее грусть, страсть, надежда, сопротивление и мужественное решение, ее жертва – все это выглядело не как игра. Эта актриса знает, как удерживать зрителя в напряжении...»¹⁵

Следует отметить, что в начале 20-х гг. в Любляне было очень много русских артистов. Исполнявший в то время функции директора Драмы Павел Голия с воодушевлением принимал всех русских. В журнале «Театр и жизнь» за 1921 г. говорилось: «Иностранцы иронически относятся к нашей политической бездарности, презрительно смотрят на наши бесконечные внутренние дразги, – но когда перед

---

14 Павлович М. Становление оперы и балета в балградском Народном театре и русские артисты // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 308.

15 Jutro. 1924. 15. IV.

ними явление русского искусства, они невольно покорены и почти-тельно вспоминают о творческом первородстве России»¹⁶.

Однако подобные взгляды разделяли далеко не все представители словенского театрального мира. После того как Голия нанял полностью так называемую труппу Муратова, назначив русским артистам более высокую заработную плату, 1 ноября 1920 г. началась забастовка словенских артистов. Борис Путята не оставался в стороне от разгоревшегося конфликта. 6 ноября 1920 г. в газете «Словенец» (Slovenec), он выразил свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В частности, он отметил, что прежде не считал забастовку направленной против русских, но после того как прочел обращение артистов от 27 октября, где «черным по белому было написано, что ангажирование русских само по себе является ошибкой, что общественность не довольна русскими представлениями, и что русские актеры никогда не смогут удовлетворить требований словенского национального театра»¹⁷. Далее Путята уязвленно писал: «не знаю о чем думало Управление театров, когда нанимало нас. Однако мы полагали, что мы беремся за великое дело и несем молодому словенскому театру в начале его самостоятельной жизни 200 летнюю культуру русского актерского мастерства и открываем ему новые формы выражения славянской души»¹⁸. Забастовка продолжалась 12 дней и прекратилась только после визита представителей Министерства просвещения из Белграда.

Что касается театра оперы и балета, то словенское оперное искусство находилось на неплохом уровне, чего нельзя было сказать о танцевальной школе. Руководители танцевальной труппы постоянно менялись. Занявшая эту должность Мария Александровна Тулякова, смогла навести дисциплину и обучить танцовщиков основам классической хореографии. Однако она покинула Люблянину в 1927 г. переехав в Белград, что привело и без того слабую балетную школу в упадок.

Вскоре Головин (Грессеров) становится режиссером оперетт. Именно оперетты стали приносить театру доход, который можно было использовать для развития балета. К концу 30-х гг. Головин уже ставил оперы. Среди его постановок «Аида» Верди, «Князь Игорь» Бо-

16 Цит. по: *Литаврина М.Г.* Русский эмигрант на randevу // Изобразительное искусство, архитектура и искусствознание русского зарубежья. СПб., 2008. С. 24.

17 Slovenec. 1920. 6. XI.

18 Slovenec. 1920. 6. XI.

родина, «Сусанин» Глинки, эту оперу он ставил и в Белграде, «Евгений Онегин» Чайковского, «Фауст» Гуно. С большим успехом прошли гастролы в 1938 г. Триесте. Ярким событием 1939 г. стала постановка одноактных балетов на музыку словенских композиторов Бравничара, Жеберта, Остерца, Шкерьянца. По словам Головина это была первая встреча словенской музыки и балета. В 1940 г. был поставлен еще один балет для детей «Принцесса и дракон» Янко Грегорца.

Одним из мест, где любила собираться русская эмиграция была гора Вршич, печально известная тем, что в годы Первой мировой войны после схода снежной лавины там погибли русские военнопленные, строившие дорогу Краньска Гора – Трент. Впоследствии те, кто остался в живых, построили на месте их гибели небольшую православную часовню в северном стиле, которая сохранилась до наших дней. Сохранилась и могила с памятной плитой, где похоронены погибшие. Об одной такой поездке Грессеров вспоминал: «мы присели на траву и закурили. «Не кажется ли вам странным, – спросил он у своего спутника, – что мы два русских офицера, которые много дней провели на войне, защищая родину, оказались здесь, в Альпах, вместе с тенями наших погибших соплеменников»¹⁹.

Помимо артистов, деятелей культуры и науки, как уже говорилось выше несколько русских имен связано с зарождением югославской гражданской авиации. Так первый гражданский словенский аэропорт Девы Марии в Полье был сконструирован и построен русским архитектором Юрием Николаевичем Шретером в 1933 г. После Второй мировой войны аэропорт стал военным, в 1954 г. был закрыт. В 2016 г. здание было признано памятником архитектуры местного значения, в котором должен разместиться музей словенской авиации. Шретер оказался на территории Королевства СХС в 1919 г. Первоначально поселился в г. Нови Сад, получив работу в Управлении строительными работами, в должности «архитектора 3-го класса», помимо этого преподавал рисование и черчение в Русской реальной гимназии»²⁰. В Нови Саде в соавторстве с архитектором Паризо де ла Валетт им были построены палаты семьи Джукич (1923–1924), «Дома с львиными масками» (1923–1924), две виллы на ул. Сараевска (1924). Среди самостоятельных проектов: здание амбулатории

19 *P. Gresserov – Golovin. Moja ljuba Slovenija...* S. 42.

20 *Арсеньев А. Б. Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб., 2008. С. 357.*

(1923–1925), Офицерский дом (1923–1926), вилла Лабинских (около 1924)²¹. В середине 20-х гг. Шретер покидает Управление строительными работами и начинает работать в Командовании военной авиации, которое в середине 30-х гг. было переведено в Земун. Там Шретер строит здание аэропорта «Бежания». До 1941 г. он проектирует и строит военные объекты по всей территории Югославии, включая аэропорт «Гробничко поле» в Сушаке. За заслуги был награжден орденом Св. Саввы²².

Что касается русских пилотов, то они были объединены в организацию, которая называлась Объединение офицеров русского воздушного флота в Королевстве СХС. Ее штаб находился в г. Нови Сад и возглавлял его генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев. Почетным членом организации был знаменитый русский конструктор и изобретатель вертолета Игорь Иванович Сикорский, который уже в то время имел американское гражданство²³. Среди членов организации были два летчика, чьи имена связаны с Люблянским аэропортом. Эти авиаторы, помимо всего прочего, основали школу гражданских и военных пилотов²⁴.

Виктор Михайлович Никитин после поражения Врангеля в 1920 г. покинул родину и в 1921 г. поселился в г. Нови Сад в Королевстве СХС. Он начал преподавать в Летной школе, также работал в качестве механика. 17 июня 1927 г. в Белграде было создано общество «Аеропут» (ставшее десятым по счету гражданским авиaperевозчиком в Европе). Никитин проработал в компании шесть лет, летая по маршруту Салоники-Белград-Загреб-Вена²⁵. В конце сентября газета «Словенец» наняла его для демонстрационного полета над Любляной и окрестностями во время празднования 60-летия издания²⁶. Никитин участвовал также в открытии люблянского аэродрома в Полье, которое состоялось 20 августа 1933 г. Открытие первого гражданского аэропорта было большим событием. Мероприятия по сообщениям «Словенца» посетило более 10 тыс. человек. Однако 12 сентября 1933 г. Никитин разбился.

---

21 Там же. С. 358.

22 Там же. С. 357.

23 Пулко Р. Русские военные пилоты первые гражданские летчики Люблянского аэропорта // Россия и Словения. Опыт военного прошлого во имя мирного будущего. Тула, 2019. С. 55-64.

24 Beloemigracija u Jugoslaviji 1918-1941. Т. I. Beograd, 2006. S. 177.

25 Slovenec. 1933. 14. IX.

26 Slovenec. 1932. 26. IX.

Другой летчик Михаил Семенович Ярошенко родился 17 ноября 1893 г. в Белгороде. Так же, как и Никитин он устроился механиком в летную школу в Нови Саде, в 1923 г. был переведен в Скопье. Позднее работал в авиационной компании «Аэропут». Ярошенко считался надежным и высококвалифицированным летчиком, за все время у него не было ни одной аварии. Он налетал 750 тыс. км. Однако ранним утром, 15 июля 1936 г. его самолет с механиком и пятью пассажирами, отправившийся в Сушак, при взлете задел верхушку елки и разбился. Было проведено расследование, в ходе которого установили, что самолет был полностью исправен, что катастрофа произошла из-за неблагоприятных погодных условий, однако упорно ходили слухи, что Ярошенко недостаточно отдохнул после предыдущего перелета. Так известный словенский политик Иван Хрибар выразил свое сомнение в газете «Словенец», отметив, что не сомневается в результатах расследования, однако, писал он, «в некоторых отелях много примеров того, когда гости приглашают весело провести время (летчиков). Расследование должно установить, достаточно ли после трудового дня отдохнул пилот»²⁷. Ярошенко в те дни остановился в отеле «Миклич»²⁸. Кроме того Хрибар потребовал, чтобы близ аэропорта было построено специальное здание, где были бы квартиры для летчиков, нуждающихся в отдыхе. Был поднят вопрос о качестве самолетов, т.к. потерпевший крушение YU-SAP Спартан был произведен в Земуне, также делались намеки на некоторые коррупционные схемы в компании «Аэропут».

В защиту Ярошенко выступил преподаватель Люблянского университета и председатель люблянской русской колонии, бывший ректор Киевского университета, Евгений Спекторский, который о погибшем пилоте сказал, что он был скромным, спокойным и достойным человеком, который всегда ответственно относился к своим обязанностям, и все обвинения необходимо доказать²⁹. После расследования отдел гражданской авиации при штабе военной авиации издал постановление, в котором было записано, что мотор самолета был в исправности, что самолет приобретен в 1935 г. Комиссия пришла к выводу, что катастрофа произошла из-за неблагоприятного стечения обстоятельств и природных условий³⁰.

27 Slovenec. 1936. 2. VIII.

28 Slovenec. 1936. 16. VII.

29 Jutro. 1936. 17. VII.

30 Jutro. 1936. 17. VII.

Таковы наиболее яркие представители русской эмиграции на словенских землях Королевства СХС, однако были и те, кто так и не сумел устроиться, многие нищенствовали, а кто-то добровольно уходил из жизни. Неоспоримым остается тот факт, что наши соотечественники своими знаниями и умениями в немалой степени способствовали развитию словенской культуры и науки.

Nadezhda Pilko, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**Russian emigration in Slovenian lands
in the 1920s and 1930s**

Abstract: In the 1920s the émigrés from Russia have arrived in the Slovenian lands in the Kingdom of SCS (Yugoslavia). Some of them were able to find self-determination and have made the contribution to the development of the Slovenian art, social and applied sciences. This article deals with some of them.

Key words: The Kingdom of Yugoslavia, the Russian emigration, the Slovenian lands, theater, aviation, architecture.